

утерянное наследство

ными глазами, которые уже приняли в себя дозу этого диссидентского яда, и которые просто сходили с ума от злобы, ненависти, разочарования, от ощущения того, насколько они обмануты, как им вешали лапшу на уши так много лет, и как на самом деле всё это было.

Но был и второй мессидж, ничуть не менее важный. Он заключался в следующем, этот мессидж #2: “А зачем вам вообще нужно первородство?! Одна живём! Мы живём сегодняшним днём, дайте пожить! Откуда все эти бредни о том, что необходимы какие-то идеалы, что нужна жертвенность, что мы должны жить какими-то смыслами? Да не этим живём!” Оба эти мессиджа проникли в сознание наших соотечественников, огромного количества соотечественников, и в итоге они отказались от своего первородства. Причём если в 91-м году, в 90-м и даже в 92-м можно было считать, что они отказались во имя демократии, свободы, права и всего прочего – то есть во имя другого идеала, что в принципе является допустимым. Это и есть История. Она каждый раз висает над бездной потому, что каждый раз обрушение одного идеала тяжелейшим образом травмирует общество, но тут же другой идеал заменяет этот идеал, и что-то устанавливается.

К 93-му году стало ясно, что наши соотечественники в значительном количестве поддержали Ельцина, уже поняв, что они обмануты. Уже зная, что Ельцин к этому моменту нарушил право и выпустил указ 1400, который был заведомо неправовой. Они всё равно не поддержали ту сторону. В 93-м году была полная определённая, но к Белому Дому пошло не пятьсот тысяч человек и не триста тысяч человек, а сорокпятьдесят тысяч, что бы кто ни говорил.

Граждане просто поверили, поверили тому, что Ельцин сказал, что он ляжет на рельсы, если рынок и вообще реформы не наполнят это корыто очень вкусной чечевичной похлёбкой. Гораздо более вкусной похлёбкой, чем та похлёбка, которую предлагал советский во многом, действительно, аскетический и скудный строй. Граждане в это поверили – и в этот момент завершили, оформили, подвели черту под этапом, который называется метафизическим падением. Ибо смена первородства на чечевичную похлёбку и есть такое метафизическое падение.

При этом я должен сказать, что интеллигенция, которая в этом участвовала (и не просто уча-

ствовала, а фактически науськивала граждан, двигала их этим путём) совершила нечто чудовищное. Ибо она действительно к мессиджу #1, согласно которому советское первородство порченное, добавило мессидж #2, согласно которому идеалы – это вообще фуфло.

Ни одно общество, если оно хочет существовать, ни одна власть, если она хочет властвовать, никогда не рубит сук, на котором сидит. Она не уничтожает Идеальное вообще. Уничтожая какое-то исторически обусловленное Идеальное, например, советское (или досоветское), она тут же вставляет на его место другое Идеальное. Итак, в этом смысле интеллигенция совершила двойное преступление. Она, во-первых, действительно огульно дискредитировала то, в чём не разобралась (я имею в виду советское общество). Во-вторых, она дискредитировала Идеальное вообще. Дискредитировав его, она и себя лишила будущего, потому что она оказалась не нужна. Интеллигенция была жрецом идеального. Если она отказалась от идеального, то зачем она нужна вообще? И власть, власть обречена на жалкое прозябание, потому что опереться на безидеальное общество невозможно, можно только плыть вместе с ним по какому-то страшному течению.

На расстрел [Белого Дома] смотрели достаточно хладнокровно. После расстрела оказалось растоптанным всё – право в его демократическом понимании, демократические выборы в том подлинном смысле слова, который мог бы как-то ассоциироваться со свободой, а свобода величайшая ценность. И уже было понятно, что всё это сделано только ради того, чтобы кто-то обогатился, и после этого развился вот этот самый капитализм, ради которого это всё и делалось.

Но ведь это делалось не ради капитализма как такового, потому что никто же не воспринимал в этот момент капитализм уже как нечто идеальное. Я подчёркиваю – идеальное рухнуло! Это делалось ради каких-то конкретных приобретений, именно материального характера. Ради большего процветания (процветания), ради большего количества чечевичной похлёбки, которая окажется в корыте. Граждане, отбросив первородство, совершили метафизическое падение, и этим завершили первый этап своей мистерии.

Но возник второй этап. Этап расплаты. Потому что когда ты продаёшь первородство за чече-

вичную похлёбку, то потом начинает медленно или быстро исчезать эта чечевичная похлёбка.

Сутью же, ядром произошедшего является, с моей точки зрения, вот эта метафизическая катастрофа падения. Когда она произошла, завершилась первая часть мистерии. Начался регресс. Но граждане-то твёрдо считали, что если они сделали это... продали это. то теперь они получают что-то взамен. И им было важно понять, что же они получают. Что они получают вместо X советского потребления – скромного, далеко не идеального, скудного, в чём-то не лишённого унизительности (очереди и всего прочего)? Они должны были получить больше, чем X. За счёт чего?

Первое, от чего они хотели отказаться, и считали это очень разумным, – это от того, чтобы кормить разного рода братские страны – Кубу, Анголу или, например, страны Варшавского договора. Пресловутая поговорка “Куба – си, мясо – но” отскакивала от зубов наших не только диссидентствующих, но и вообще скептически настроенных по отношению к происходящему граждан только так давайте-ка теперь откажемся от того, чтобы кормить Кубу, Анголу, СЭВ и всё прочее, и мы получим к X некий Y. Потому что мы, освободившись от этого обременения, можем все средства направить на потребление. И у нас потребление станет больше!” Как говорят математики, X+Y больше, чем X. Вроде всё логично.

Второе – оборона, военно-промышленный комплекс. “Давайте, – сказали граждане, – если уж мы не воюем с Америкой за коммунизм, у нас нет с ней идеологического конфликта, а также всего другого, давайте не будем создавать такой военно-промышленный комплекс, такую армию, чтобы она так сверхдержавно поддерживала наши интересы аж на Кубе и бог знает где, в Никарагуа или неизвестно где ещё... В Афганистане... Давайте это всё обременение по крайней мере уменьшим, и за счёт этого некое Z, взятое за счёт уменьшения этого обременения, тоже пустим на потребление. X+Y+Z ещё больше X! Намного больше X! Смотрите, как мы уже движемся к своему счастью чечевичной похлёбки!”

Но граждан соблазнили на третий шаг. Им сказали: “Нужно сделать ещё один шаг ради увеличения чечевичной похлёбки, причём ради-

кального. У нас неэффективная экономика, неэффективное советское государство, весь этот “совок” производит очень мало! Он неэффективно производит, он неспособен наполнить прилавки, произвести очень много разного рода продуктов, он на это не способен! Давайте заменим его на наш капитализм! Тогда вместо X наш капитализм произведёт 100 X! Да, он возьмёт себе 70 X. Потому что богатые должны быть богатыми, потому что он не будет иначе работать. Но 30-то он оставит нам! Мы в 30 раз повысим своё потребление за счёт только одного действия – мы быстро построим капитализм!”. Граждане согласились и начали строить капитализм, причем, поскольку им 100 X захотелось быстро, то они решили построить его в несколько лет.

То есть фактически была дана санкция на построение не капитализма вообще, а на ускоренное построение криминального капитализма. Который и построили! И который, оформившись, вовсе не захотел отказываться от своей криминальности и никогда от неё не откажется! Граждане этой зверюгой будут съедены до конца. Ибо тот, кто отказался от первородства, чечевичной похлёбки не получит! Чечевичную похлёбку будут кушать те, кто его соблазнил на то, чтобы он сдал первородство, и в этом для меня диалектика происходящего. В этом вторая часть мистерии падения.

Окончательно граждане поняли, что их дожирают до костей буквально сейчас! Я не знаю, почему они это понимали так долго. Может быть, и сначала казалось, что всё дело в каком-то переходном периоде, а потом будет лучше. Может быть, потом казалось, что всё дело в том, что у них такой плохой правитель или такое плохое правительство. Дело не в правителях.

Вообще бесконечное осуждение правительств тяжёлое и бесперспективное, потому что в данном случае речь идёт о классе, об опорной базе, о макро-социальном псевдосубъекте, который это всё делает, и который выдвигает тех или иных ставленников. Эти ставленники оказываются в сложнейшем положении именно потому, что, с одной стороны, им всё-таки приходится хоть в какой-то степени считаться с народным мнением (порвут-то не макро-социальный субъект, не класс этот в целом, а их конкретно), а, с другой стороны, они полностью должны опираться на этот класс и выражать его интересы. Итак, вопрос в качестве этого класса. Он ничего не произвёл. То есть совсем ничего! Это не значит, что все эти люди, которые сейчас загребают миллиарды, не выдают нагора какие-то продукты.

Они их выдают. Те же, которые создавали в Советском Союзе. Ту же нефть, тот же алюминий и т.д., и т.п. В тех же количествах. Надавив как-то заводы, подремонтировав их. Но они не создали ни сверхчистого кремния (или циркония, или германия), ни каких-нибудь новых микросхем, ни каких-нибудь суперпрограммных продуктов, ничего этого они не создали. Как и не создали они и качественно нового индустриального производства. Нет ничего. Говорят, что были плохие самолёты, плохие машины и плохие вагоны и паровозы. Но теперь нет никаких, кроме купленных за нефть и всё прочее. Просто никаких!

Это суть данного класса! Это его природа, это его неотменяемая социальная онтология. Он так – это его генезис – он так произошёл, он на это запрограммирован, он таков по своей сути. Когда граждане поняли, что он их начинает жрать до костей? Поняли они это по реальности, которая оформилась. Суть-то заключается не в том, что она сейчас более страшна, чем была. А в том, что она сейчас оформилась, и видно, как она неумолимо движется в строго определённом направлении – вот в этом, ни в каком-то другом. Граждане это поняли на шкуре, когда их реально стали кушать.

Люди это постепенно осознают. Это осознание рождает недовольство. Очень мягкое, вялое, беспомощное, но массовое! Это недовольство носит сугубо социальный характер. Оно связано с тем, что ясно, что взамен советского X получили меньше, а получают ещё меньше, чем было. Но поскольку перед этим граждане отказались от первородства, то человек, который отказался от первородства, сломан! А сломанный человек бороться за своё материальное благополучие не может, как и ни за что другое. Он сломан и потому бездвижен. Отсюда гигантский паралич социального действия. Александр Николаевич Яковлев, который говорил о сломанном хребте, знал толк в метафорах. Он выбрал метафору точную. Существо с переломанным хребтом не может рукой, сжатой в кулак, отразить атаку на него. Оно еле шевелится, а может быть, не шевелится вообще. Может быть, оно только мычит. Но главное-то заключается не в этом, а в том, что до тех пор пока мы не обсудим проблему с первородством, всё, что мы делаем в том, что касается чечевички, все эти негодования по поводу того, как [она] уменьшается, не стоят и ломаного гроша. Если мы этот вопрос не обсудим, мы путей выхода не найдём.

Сергей Кургинян

СОБЫТИЯ

Если Украина создаст зону свободной торговли с Евросоюзом Россия вынуждена будет закрыть границу

В случае, если Украина создаст зону свободной торговли с Евросоюзом и пойдет со своими товарами на российский рынок, Россия будет вынуждена “выстраивать границу”, – заявил премьер-министр РФ Владимир Путин.

“Если Украина создаст зону свободной торговли вместе с ЕС и вынуждена будет уступить по многим позициям, чувствительным для украинской экономики, то она, разумеется, будет рассчитывать на то, что эти товары пойдут на российский рынок. А мы не сможем этого позволить себе сделать”, – сказал В.Путин на пресс-конференции по итогам заседания ЕВРАЗЭС Межгоссовета ЕВРАЗЭС.

Он подчеркнул, что “мы вынуждены будем начать выстраивать границу, иначе нас завалит этим товаром”. “А вести переговоры с ЕС в формате единого экономического пространства либо Таможенного союза – это совсем другое дело. И позиции совсем другие, гораздо более выигрышные”, – сказал премьер.

